

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

УДК 93/94.908

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В УПРАВЛЕНЧЕСКОМ АППАРАТЕ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

© Виктор Викторович КРАСНИКОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства
и права, e-mail: viktor_krasnikov@list.ru

На основе архивных данных дается анализ деятельности партийных и государственных органов власти Тамбовской губернии в начале 1920-х гг. Рассматриваются первые шаги партийного руководства по восстановлению партийно-советской системы власти, приемы и методы, использованные в процессе ее воссоздания после Гражданской войны и Антоновского восстания. Актуальность изучения процесса формирования управленческого аппарата определяется возможностью обобщения как негативного, так и позитивного опыта. Появляется возможность использования исторического опыта управления и функционирования местных органов власти. Выделяются причины кризисного состояния местного управленческого аппарата, а также попытки поиска путей преодоления сложившихся проблем. Изучение организационно-правовых проблем, основ деятельности местных органов власти позволяет также выявить и уточнить положительные и отрицательные черты советской государственной системы. Использованные материалы помогли воссоздать практику деятельности органов партийной и государственной власти губернии в начале 1920-х гг., проследить процесс создания и юридического оформления механизма политической власти. Приходим к выводам о том, что в результате после различных попыток выхода из кризиса происходит коренное изменение сложившейся ситуации в управлении. Властями принимается решение об отказе от «военного коммунизма» и переходе к новой экономической политике в начале 1920-х гг.

Ключевые слова: выдвижение; комитет; коммунисты; номенклатура; ответственные работники; партия; переброски; система управления, управленческие кадры; чистка партийных рядов.

К концу 1920 – началу 1921 г. кризис общества принял зримые очертания и мог перейти во всеобщий социальный взрыв. Такие события были связаны с полным крахом политики «военного коммунизма», причем не только в экономической, но и в политической сферах. В этот период состояние органов власти, прежде всего на региональном уровне, вызывало у большевиков наибольшее беспокойство [1]. Они были большей частью полностью дезорганизованы, а в районах, охваченных «антоновщиной», власть практически отсутствовала [2]. Можно констатировать реальную утрату большевиками контроля над большей частью губернии. Поскольку именно партийный аппарат выполнял государственные функции, а основу местной управленческой структуры составляли члены РКП(б), то состояние местных органов вла-

сти в начале 1920-х гг. можно оценить, анализируя состояние местных партийных организаций. В большинстве из них наблюдалось критическое положение. Органы местной власти испытывали большой кадровый дефицит, вызванный крестьянским восстанием, когда большая часть местных партийных работников либо были убиты, либо попросту разбежались. Имеющиеся же кадры были заполнены случайными или даже уголовными элементами. Некоторые из них шли в партию, а вместе с этим и во власть, намеренно, другие же вступив в партию по идейным соображениям, за время Гражданской войны и восстания привыкли к безнаказанности и вседозволенности, чему способствовала система действовавших чрезвычайных мер в управлении государством. В целом этот слой был массовым, и такими же массо-

выми были злоупотребления и преступления, исходящие от него. Так, по словам уполномоченного А.М. Большакова, командированного в Шацкий уезд, «в советские учреждения проникли люди с преступным намерением тормозить начатую работу или руководствуясь исключительно корыстной целью» [3]. И такая ситуация была характерна для губернии в целом.

За годы Гражданской войны парторганизация была сильно ослаблена мобилизациями на фронт. Более тысячи коммунистов погибли в боях с антоновцами. «За период с июня 1920 по август 1921 г. организация уменьшилась до 7916 человек, или почти в два раза. Более половины ее составляли крестьяне, многие из которых не имели еще большевистской закалки. Опытных руководителей было мало» [3]. Проблема отсутствия руководящих кадров особенно коснулась низового аппарата. Так, в постановлении президиума Тамбовского уисполкома от 20 октября 1920 г. говорилось «...в 41 волости уезда бандитами совершенно разрушен советский аппарат и убито до 250 партийно-советских работников, временами восстанавливаемый советский аппарат вновь разрушается...» [4]. В некоторых уездах ситуация не изменилась и через год. Яркий пример – Борисоглебский уисполком, в котором «власти на местах в уезде не было, все честные товарищи ранее стоявшие у власти во время бандитизма погибли. Связи с уездом не было, благодаря чему было трудно контролировать деятельность власти на местах. Пользуясь полнейшей оторванностью от уездного Центра и райревкомы, и волревкомы повсюду злоупотребляли властью в форме конфискации и реквизиции имущества у граждан» [5]. Во многих уездных органах процветали волокита, дезертирство, саботаж. Так, в Елатомском уезде полномочной комиссии приходилось «проверять всех опаздывающих и не являющихся на службу, даже приходилось производить аресты целыми десятками». Служащие, замеченные в разгильдяйстве и саботаже, наказывались лишением свободы сроком от двух до пяти суток с исполнением служебных обязанностей, «после чего начинали относиться к службе более добросовестно» [6].

Слабость работы местных органов власти была связана и с еще не сложившейся структурой органов управления. В 1920 г. в

уездах еще не существовало районных комитетов партии, что значительно ослабляло всю партийную и советскую работу на местах. До создания райкомпартов в губернии действовал институт райорганизаторов, но без соответствующего аппарата они физически не могли организовать работу на местах. Тем более райорганизаторы являлись только инструкторами, которые должны были направлять деятельность ячеек уезда, а не постоянно руководить ими. Работа же наездами не могла дать желаемых результатов хотя бы потому, что часть ячеек находилась на большом расстоянии от города, и туда было трудно добраться.

Другими доказательствами плачевного положения дел на местах в этот период служат сообщения с мест. Большинству местных партийных организаций требовалась коренная реорганизация. Кирсановский укомпарт в октябре 1920 г. сообщал: «Никаких отделов при волкомпартах не существует за невозможностью подбора технических работников. Сотрудников во всех организациях, кроме президиума, не имеется. В данное время в распоряжении укома не имеется и райорганизаторов за невозможностью их подбора после неоднократных попыток» [6]. «Реорганизация персонального состава советских и партийных организаций возможна при условии присылки достаточного числа партийных товарищей минимальным количеством в 60 человек. Прислано же в распоряжение укома только 8. Помимо того, что ежедневно от рук бандитов выбывают все новые и новые партийные товарищи, оставшиеся почти поголовно больны настолько, что это отражается на их работе. Продолжающие работу настолько издергались, притупели и как-то стали безразличны, что требуется большой такт и умение, чтобы добиться от них минимум работы. Нужно сказать, что одни меры репрессий не помогают» – писал в своем докладе в губком и губисполком председатель Борисоглебского уисполкома Пешков в начале 1921 г. [3].

О разложении местных органов власти свидетельствуют итоги партийной чистки 1921 г. В губернии она началась в августе и закончилась в октябре 1921 г. Из партии в первую очередь должны были исключаться откровенные противники советской власти, а также явные преступники, пьяницы и взя-

точники. Чистка проводилась по решению X съезда РКП(б) и по мнению руководства Тамбовского губкома являлась «показателем силы партии, а не слабости» [6]. Хотя в связи с предстоящей кампанией по очистке и немногочисленности состава ответственных работников предполагалось, «что многие будут или совсем исключены из партии, или отстранены от ответственной работы, а потому нужда в ответработниках возрастет еще больше» [3]. Но партийная чистка еще сильнее, чем предполагалось, выявила внутренние проблемы РКП(б). В секретном циркуляре губкома от 22 ноября 1921 г. говорилось: «Чистка партии кроме положительных результатов дала и отрицательные. Установлено, что во многих случаях шкурнические элементы нашей партии использовали чистку для сведения личных счетов, для дискредитирования честных товарищей. Они вселяют недоверие членов организации друг к другу и своим руководящим центрам, парализуя всякую революционную работу» [6]. В Тамбовской губернии было исключено 235 работников (33,5 % от общего числа). С советской работы – 153 (39,2 %), с партийной – 32 человека (10,8 %). Всего же было исключено 2345 человек (29,6 % общего числа коммунистов губернии) [6].

Общее положение органов власти в уездах Тамбовской губернии в период 1920–1921 гг. характеризуется докладом председателя Борисоглебского уисполкома Пешкова, в котором говорится, что губернский центр из-за отсутствия связи в течение продолжительного времени не имел возможности направлять местную организацию по правильному пути, что проявилось в неконтактности как в партийной, так и в советской работе между партийными товарищами. Чистка партии также внесла дезорганизацию, большая часть опытных советских работников из партии были исключены, заменить их сразу было нечем [4].

Подобные доклады с мест не были единичными. Преступления и присутствие в провинциальных партийных организациях лиц их совершавших были не случайностью и отдельными эпизодами. Сложившаяся ситуация была порождением самой системы «военно-бюрократической» диктатуры. Факты преступлений не всегда становились известны губернской власти, т. к. на местах их

часто скрывали. Ситуация на местах становилась угрожающей, местные парторганизации работали плохо, с многочисленными нарушениями, авторитет партии падал. Партийное руководство губернии в июле 1921 г. принимает циркуляр, обязательный для всех укомов РКП(б) «О порядке решения дел по злоупотреблениям должностных лиц – членов РКП(б)». Причиной его принятия послужил «неправильный взгляд во многих уездных организациях, будто дела о злоупотреблениях по должности и недостойном поведении членов партии надо решать только внутрипартийным порядком и при этом в узких партийных коллегиях, не осведомляя по этим делам не только беспартийные рабочие массы, но и партийную организацию» [6]. Признавая такое положение дел неправильным, губком предписывал к обязательному исполнению укомам и всеми членами организации, чтобы всякое дело о неправильных действиях членов партии предварительно направлялось в уком, все установленные проступки членов партии против партморали или советских порядков заносить в партбилет, а также в обязательном порядке сообщать всем членам организации о установленных проступках и принятых по ним решениях укомов [3].

Частые упоминания данной проблемы говорят о ее серьезности. Между тем пороки, так распространившиеся среди коммунистов, складывались давно. Еще на VIII съезде партии в марте 1919 г. Н. Осинский говорил: «С констатирования того, что у нас возродился бюрократизм. Решение дел сосредотачивается в узких коллегиях, которые... отрываются от масс... у нас усиленным образом развивается покровительство близким людям, протекционизм, а параллельно – злоупотребления, взяточничество; и в конце концов, особенно в провинции, нашими ответственными, иногда партийными работниками, чинятся явные безобразия. В настоящее время старые партийные товарищи создали целый чиновничий аппарат, построенный в сущности говоря, по старому образцу. У нас создалась чиновничья иерархия» [3]. Об этих же явлениях на съезде говорили Сапронов, Игнатов, Зиновьев и др.

Состояние местного партийного и государственного аппарата во многом являлось иллюстрацией к существующему положению в РКП(б) в целом. В партии в конце 1920 –

начале 1921 г. сложились две точки зрения на причины кризисного положения, в котором она оказалась. Первая точка зрения отражала взгляды на сложившуюся ситуацию руководства партии, которое пыталось объяснить существующее положение временными обстоятельствами. Зиновьев, Бухарин и некоторые другие руководители все проблемы партии пытались свести к конкретной ситуации в стране, считая, что военное положение породило существующие негативные явления. Так, Зиновьев, делая доклад на IX партконференции, доказывал, что болезнь партии – это болезнь данного времени, она носит временный характер. Условия, порожденные Гражданской войной, всеобщая военизация неизбежно должны были породить и недостатки. Зиновьев не видел оппозиции ни в партии, ни в стране в целом, проявлялись лишь отдельные недовольства. Их источники лежали в неэластичном аппарате, «главнократии», вопиющих злоупотреблениях. По его мнению, ошибаются власти на местах, и все это переносится на советскую власть [7]. Для выхода из сложившейся ситуации Зиновьевым было предложено разрешить больше свободной критики внутри партии и создать особый орган для того, чтобы «блюсти честь партии», но также нужно усилить централизацию внутрипартийной жизни и право руководящего Центра производить назначения. Таким образом, нужна была железно организованная пролетарская партия [8]. Гражданская война породила кризис, и преодолеть его можно путем самовоспитания партии, большего внимания аппарату, повышением сплоченности партийных рядов. Нужно было не изменять существующую систему, а лишь избавиться от ее наиболее одиозных явлений. Выступая на той же конференции, Сапронов также признавал первопричиной сложившейся в партии ситуации объективный фактор, т. е. войну. Однако в его взгляде были и существенные различия. В своем докладе Сапронов подчеркнул, что «те формы и методы управления, которые у нас существуют, порождают бюрократизм и ту язву, которая разъедает тело нашей партии» [8]. Поэтому он предложил изменить всю организационную систему, все методы и формы работы. По его мнению, была необходима периодическая смена всего аппарата, развертывание критики, обязательность от-

четов выборных органов. Предлагалось превратить ЦК из управляющего в руководящий орган и прекратить систему назначенства [8]. IX партконференция приняла резолюцию «Об очередных задачах партийного строительства», в которой причины кризиса сводились к условиям Гражданской войны, но последующие события показали, что попытка изменить ситуацию не удалась. Резолюция осталась на бумаге и практического воплощения не нашла.

Новые попытки избавиться от болезненных проявлений в партии последовали на X съезде РКП(б). Снова появились две точки зрения на проблему. Бухарин в своем докладе на съезде по внутрипартийным проблемам также в качестве главной предпосылки, приведшей к такому положению дел, назвал гражданскую войну. «Военные формы управления характеризуются крайней степенью централизации, свертыванием всех коллективных органов партийной организации. Военная система развивала самостоятельность, ударность ведомств, групп товарищей и развивала определенные материальные привилегии для этих групп, отдельных лиц. Бюрократия вылезла из системы боевых приказов, отодвинув на задний план массы» [8]. Внешние факторы, по мнению Бухарина, сыграли первостепенную роль в разрастании кризиса партии, соответственно он носил временный характер. Исходя из этого убеждения, предлагались и меры выхода из него: сплоченность и самовоспитание партии, все внимание аппарату и т. п.

Игнатов, Бубнов, Максимовский, Рафаил и другие представители «рабочей оппозиции» причины кризиса видели в самой партии. «Верхи партии инстинктивно, а может быть и нет не доверяли массам» – говорил Игнатов в своем выступлении на X съезде от «рабочей оппозиции» [9]. Партия, по их мнению, теряла однородный состав, в нее проникали мелкобуржуазные элементы, т. е. не было выдержано классовое единство рядов РКП(б). На практике получала подтверждение мысль, что в партии сложилась группа политических вождей, которая и определяла тот принцип руководства партией и страной, который сложился и укрепился в годы гражданской войны. Оппозиция в качестве причин кризиса называла жесточайший централизм, переросший в бюрократизм, а также

кризис бюрократического Центра. Выход из кризиса виделся оппозицией в изменении самой системы, в реформировании партии: в развитии рабочей демократии, отмене назначения, реорганизации всего аппарата, в т. ч. и руководящего. В целом «не нужно сохранять систему» [9].

Безусловно, война повлияла на стиль и методы деятельности партии, но жесткий централизм в последствии перерос в бюрократизм, и партия уже не только не смогла, но и не захотела от него отказаться. В целом же можно констатировать очевидный рост отрицательного отношения к советской власти и партии. Он был связан со сложившейся в стране системой управления, негативным отношением власти к целым социальным группам населения. Централизация управления в условиях войны способствовала сосредоточению широких полномочий в руках отдельных лиц. Сложилась диктатура партийного аппарата, что получило свои проявления во всей вертикали власти, отражаясь в состоянии, методах работы, отношении к населению местного аппарата управления.

К концу войны в РКП(б) назрел и организационный кризис. Мобилизации, ставшие в годы войны основным методом решения кадровых проблем, проходили уже с трудом. В Тамбовской губернии за 1921 г. было проведено 4 переброски работников, перемещению подверглось 146 человек [9]. Основной задачей партийной и советской работы в 1920–1921 гг. стало распределение партийных сил. Осуществляться оно должно было выдвижением новых работников и перемещением их с менее ответственной работы на более ответственную. Главной причиной перемещения должно быть повышение качества партийной и советской работы, т. е. перемещаться должны были наиболее способные работники. Но в привычку уже вошли и другие причины перемещений, не имевшие ничего общего с профессиональными качествами работников. Перемещениями могли устраняться трения между работниками, т. к. склоки и дразги, так явно обозначившиеся во время партийной чистки, не перестали преследовать организацию и в дальнейшем, став впоследствии настоящей «болезнью» партии.

Бесчисленные кампании и постоянные кадровые перестановки порождали с одной стороны неуверенность работников в своем

будущем, а с другой – практически полную безответственность за свои действия назначаемых и перемещаемых лиц. Различные агенты и уполномоченные, командируемые на места, зависели только от вышестоящих инстанций. Были известны случаи, когда «приезжая в волость агент или уполномоченный не считали нужным показывать мандат, грозили оружием, арестом, совершенно забывая, что перед ними такие же партийные работники» [3]. И это только представители губернских и уездных организаций.

Сложившаяся монополия РКП(б) на власть делала партию притягательной для разного рода карьеристов, взяточников, аморальных типов, а порой и просто уголовных элементов. Так, председатель Усманского исполкома, большевик с дореволюционным стажем Н.Н. Исполатов в 1921 г. в письме В.И. Ленину писал: «...Идейные коммунисты поистине составляют каплю в российском море. Факты действительности неумолимо говорят, что диктатура, долженствующая быть в рамках сознательного революционного пролетариата, на самом деле проводится политиками, с значительным уклоном в сторону личных интересов, часто с сильным уголовным запашком... Везде подбираются свои люди. Во главе партии политики. Рядовые члены безмолвствуют под страхом репрессии в виде существующего права перебросок со стороны укомпарта, губкомпарта безапелляционного под угрозой исключения из партии, а всякий исключенный или выбывший из партии рискует попасть на учет как принадлежащий к противосоветской партии и быть во всякое время арестованным» [3].

Повсеместно ощущался недостаток в работниках. Тамбовскому губернскому отделу управления пришлось даже пользоваться трудом заключенных в концлагерь, из числа которых вербовались нужные канцелярские сотрудники. Но это не давало нужного результата, т. к. труд заключенных был принудительным и ограничен временем, тем более за их работой приходилось наблюдать, что отрывало других сотрудников от их обязанностей. В 1921 г. в Тамбовском ГОУ работало до 30 заключенных, и когда в мае распоряжением особого отдела ВЧК все заключенные, работающие в ГОУ, были сняты с работы, его деятельность практически остановилась [10, с. 58].

В этот период острейший кадровый голод поразил и деревню. Низовые партийные организации – деревенские ячейки – были совершенно разрушены. Если в 1918–1919 гг. они насчитывали по 60–70 человек, то к январю 1921 г. в них оставалось по 3–5 человек, или они вообще переставали существовать. Причинами развала ячеек были мобилизации на фронт, крестьянское восстание в губернии, отвлечения коммунистов на различные компании. На местах оставались наиболее слабые работники. Организационную слабость партия пыталась ликвидировать постоянными перемещениями руководящих работников. Так, в апреле 1921 г. губкомом была осуществлена плановая переборка работников на усиление Кирсановской организации. Было отозвано 26 работников, а взамен прислано 24 новых. Известно, что и до этого Кирсановская организация из-за своей слабости подвергалась серьезным кадровым перестановкам в июне 1920 и феврале 1921 гг. [6].

Состояние местного партийно-государственного аппарата требовало срочного принятия чрезвычайных мер по усилению и контролю его деятельности. Существующая ситуация отразилась на решении полномочной комиссии ВЦИК, обследующей в этот период Тамбовскую губернию. Комиссия дала заключение о неправильной постановке работы всех судебных, административных и хозяйственных органов губернии и постановила организовать во всех уездах при уисполкомах особые комиссии – «тройки». В обязанности «троек» входила организация широкой контрольной деятельности всех судебных, административных, хозяйственных органов уезда, борьба с волокитой во всех советских учреждениях, их ревизия с целью пресечения всех злоупотреблений. Комиссии могли принимать жалобы у населения и должны были делать доклады о своей работе и принятых мерах уисполкому [3]. Стараясь хоть как-то улучшить существующее положение, полномочные комиссии при уисполкомах призывали граждан доносить им о всех злоупотреблениях ответственных работников, считая что это самый правильный способ сближения потерявшей авторитет партии с массой крестьянского населения [11].

Приведенные факты свидетельствуют: провинциальные органы власти, вся система

местной власти, отождествленная с партией, переживала состояние разрушения и хаоса. Политика «военного коммунизма» с окончанием гражданской войны зашла в тупик, противоречия между партией и обществом достигло критической отметки. Особенно остро кризис проявился в крестьянских регионах, в частности в Центральном Черноземье. Это выразилось в вооруженной борьбе крестьянства с советской властью. «Антоновщина», охватившая Тамбовскую и соседние губернии, в значительной мере подтолкнула руководство страны к скорейшему принятию решения о переходе к новой экономической политике. Стало ясно, что к политическим катаклизмам привела сложившаяся экономическая ситуация. Выход из экономического тупика сглаживал бы социальные и политические противоречия в обществе. Партия в этот период сама находилась в кризисном положении и в таком состоянии не могла выполнять задачи мирного периода. Период «чрезвычайщины» заканчивался, необходимо было искать новые, цивилизованные пути государственного строительства. Так как партия, безусловно, выполняла и государственные функции, неизбежны были изменения во всей структуре местной власти.

Попытки выяснения причин кризиса в обществе и партии и поиски путей выхода из него привели РКП(б) к необходимости реализации нэпа. «Советское правительство ясно учло, что при современных условиях без частного капитала возродить промышленность и хозяйство нет возможности» [12]. Но переход к нэпу – это стремление партии адаптироваться к сложившейся ситуации в стране, и эта адаптация сопровождалась повышенным вниманием к обществу, чтобы не допустить потери контроля за ситуацией в государстве, «поскольку мы допускаем инициативу частному капиталу, постольку будем вести за ним строжайший учет» [6]. Таким образом, наряду с экономическими уступками, должна была сохраниться и укрепиться существующая политическая система. Потеря политического контроля над обществом была для большевиков недопустима.

1. Пашин В.П., Долженкова Е.В. Система подбора руководящих кадров в начале 20-х гг. XX в. (на материалах Курской губернии) // Исторические, философские, политические и

- юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 7-1. С. 154-157.
2. *Красников В.В.* Организационно-правовые основы деятельности местных органов власти в Тамбовской губернии после Антоновского восстания 1920–1921 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8 (14): в 2 ч. Ч. 1. С. 113-115.
 3. ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области). Ф. 840. Оп. 1. Ед. хр. 517, 633, 911, 996, 1018, 1241.
 4. Очерки истории Тамбовской организации КПСС / под ред. Ю.А. Манаенкова. Воронеж, 1984.
 5. Советы Тамбовской губернии в годы гражданской войны. 1918–1921 гг.: сборник документов и материалов. Воронеж, 1989.
 6. ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. Р-1. Оп. 1. Ед. хр. 269, 278, 326, 340, 398, 501, 1289.
 7. 8 съезд РКП(б): протоколы. М., 1959.
 8. 9 Всероссийская конференция РКП(б): протоколы. М., 1921.
 9. Десятый съезд Российской Коммунистической партии. 8–16 марта 1921 г. М., 1921.
 10. *Есиков С.А.* Руководство тамбовских большевиков в 1920 – начале 1921 г. (качественная характеристика) // Общественно-политическая жизнь российской провинции. XX в. Вып. 2. Тамбов, 1996.
 11. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-8415. Оп. 1. Ед. хр. 121.
 12. *Красников В.В.* Партийный и государственный аппарат Тамбовской губернии при переходе к новой экономической политике (1920–1921 гг.) // Альманах современной науки и образования. 2013. № 8 (75). С. 101-102.
- richeskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 7-1. S. 154-157.
 2. *Krasnikov V.V.* Organizatsionno-pravovye osnovy deyatel'nosti mestnykh organov vlasti v Tambovskoy gubernii posle Antonovskogo vosstaniya 1920–1921 gg. // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2011. № 8 (14): v 2 ch. Ch. 1. S. 113-115.
 3. GASPITO (Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tambovskoy oblasti). F. 840. Op. 1. Ed. khr. 517, 633, 911, 996, 1018, 1241.
 4. Ocherki istorii Tambovskoy organizatsii KPSS / pod red. Yu.A. Manaenkova. Voronezh, 1984.
 5. Sovety Tambovskoy gubernii v gody grazhdanskoy voyny. 1918–1921 gg.: sbornik dokumentov i materialov. Voronezh, 1989.
 6. GATO (Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti). F. R-1. Op. 1. Ed. khr. 269, 278, 326, 340, 398, 501, 1289.
 7. 8 s"ezd RKP(b): protokoly. M., 1959.
 8. 9 Vserossiyskaya konferentsiya RKP(b): protokoly. M., 1921.
 9. Desyatyy s"ezd Rossiyskoy Kommunisticheskoy partii. 8–16 marta 1921 g. M., 1921.
 10. *Esikov S.A.* Rukovodstvo tambovskikh bol'shevikov v 1920 – nachale 1921 g. (kachestvennaya kharakteristika) // Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' rossiyskoy provintsii. XX v. Vyp. 2. Tambov, 1996.
 11. GARF (Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii). F. R-8415. Op. 1. Ed. khr. 121.
 12. *Krasnikov V.V.* Partiynny i gosudarstvennyy apparat Tambovskoy gubernii pri perekhode k novoy ekonomicheskoy politike (1920–1921 gg.) // Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya. 2013. № 8 (75). S. 101-102.

1. *Pashin V.P., Dolzhenkova E.V.* Sistema pod-bora rukovodyashchikh kadrov v nachale 20-kh gg. XX v. (na materialakh Kurskoy gubernii) // Isto-

Поступила в редакцию 9.07.2014 г.

UDC 93/94.908

ORGANIZATIONAL-LEGAL PROBLEMS IN ADMINISTRATIVE APPARATUS OF TAMBOV PROVINCE IN THE EARLY 1920s

Viktor Viktorovich KRASNIKOV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of History, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of Theory of State and Law Department, e-mail: viktor_krasnikov@list.ru

On the basis of archival sources the analysis of activity of party and government bodies of the power of the Tambov province in the early twenties is given. The first steps of the party guide to restoration of the party and Soviet system of the power, the receptions and methods used in the course of its reconstruction after civil war and Antonov's revolt are considered. Relevance of studying of process of formation of administrative personnel is defined by possibility of generalization both negative, and positive experience. There is a possibility of use of historical experience of management and functioning

of local authorities. The reasons of a crisis state of local administrative personnel, and also attempt of search of ways of overcoming of the developed problems are allocated. Studying of organizational and legal problems of bases of activity of local authorities allows revealing and specifying also positive and negative lines of the Soviet state system. The materials used in article helped to recreate practice of activity of bodies' party and the province government in the early twenties, to track process of creation and legal registration of the mechanism of the political power. It is concluded that after various attempts of recovery from the crisis results a basic change of current situation in management. The authorities make the decision on refusal of "military communism" and transition to new economic policy in the early twenties.

Key words: promotion; committee; communists; nomenclature; ranking officers; party; transfers; control system; administrative shots; cleaning of party ranks.